

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ

СЕРДЦЕ
НЕ ОБМАНЕТ,
СЕРДЦЕ
НЕ ПРЕДАСТ

МОСКВА

ИСКУССТВО
ДЕТЕКТИВА

ТАТЬЯНЫ ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ

ГАРМАШ-РОФФЕ

Тайна моего отражения

Шантаж от Версаче

Частный визит в Париж

Голая королева

Шалости нечистой силы

Ведьма для инквизитора

Роль грешницы на бис

Вечная молодость с аукциона

Ангел-телохранитель

Королевский сорняк

Мертвые воды

Московского моря

Е.Б.Ж.

13 способов ненавидеть

Уйти нельзя остаться

Расколотый мир

Ведь я еще жива

Черное кружево, алый закат

Ягоды страсти, ягоды смерти

Вторая путеводная звезда

Золотые нити судьбы

Властитель женских душ

Укрыться в облаках

И нет мне прощенья

Сердце не обманет,
сердце не предаст

Силы небесные, силы земные

Легкое дыхание лжи

Завещание с того света

Светлый лик, темный след

Наука страсти нежной

Отрубить голову дракону

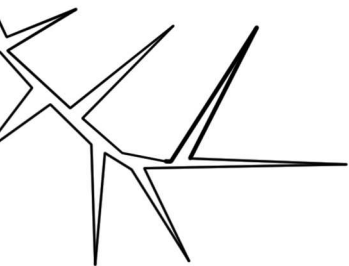
Разрыв небесного шаблона

Арка Купидона

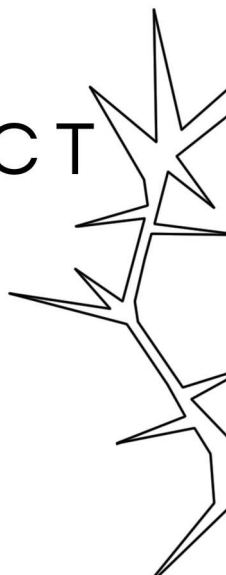
Венец Фемиды

**ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ**

**СЕРДЦЕ
НЕ ОБМАНЕТ,
СЕРДЦЕ
НЕ ПРЕДАСТ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Сердце не обманет, сердце не предаст : [роман] /
Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Эксмо, 2025. —
320 с.

ISBN 978-5-04-223726-3

Никого нынче не удивишь убийством, замаскированным под самоубийство... Но частный сыщик Алексей Кисанов был весьма озадачен, услышав подобную версию. Погиб Михаил Козырев, уважаемый психиатр, — то ли сам выбросился в окно, то ли его толкнули. Впрочем, Алексей не сомневался, что быстро разберется с этим делом... И ошибся! Человек погиб, но кто-то продолжает преследовать его близких и знакомых...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223726-3

© Гармаш-Роффе Т. В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Воскресенье. Тунис

Получив ключ, мадам Пуарье вышла из холла ресепсьон и, осторожно переставляя трость, направилась по дорожке в сторону своего бунгало. Влажный и горячий воздух, пахнувший морем, лип к коже, чемодан погромыхивал колесиками на неровных плитках из ноздреватого желтого ракушечника. Навстречу ей в сторону ресторана текла пестрая толпа отдыхающих: священное время ужина наступило!

Мадам Пуарье тоже хотелось есть, и она прибавила шаг. Какой-то мужчина предложил ей помочь — вроде молодой, насколько видно в не слишком ярком свете фонарей. Хотя тут все молодые по сравнению с ней...

— О, вы так добры! — обрадовалась мадам Пуарье. — Я хожу медленно, отстала от группы, и багажисты уже разошлись с чемоданами...

— Вы бы попросили позвать!

— Да ничего, я и сама могу управиться... Знаете, мне восемьдесят девять лет, я давно путешествую одна, вдовой осталась...

Она засеменила к своему бунгалу, опираясь на трость, за мужчиной, который помог ей отпереть дверь и вкатил ее нетяжелый чемодан вовнутрь.

— Я уже седьмой раз в этот отель приезжаю, и всегда в это время года, в сентябре, на три недели. У меня тут много друзей, мы общаемся, прекрасно проводим время...

Ей хотелось поговорить с ним, рассказать о своей жизни, но она знала: молодым неинтересно слушать стариков.

— Я могу вам еще чем-нибудь помочь, мадам? — спросил мужчина, которому явно не терпелось уйти.

— Что вы, что вы, я и так вам очень благодарна! Идите на ужин, идите.

Достав из чемодана нужные вещи, мадам Пуарье быстро переделалась: легкое светлое платье и кожаные сандалии лежали сверху, она их специально так положила, — опыт научил, ведь она и впрямь семь лет ездит в Тунис, и всегда в этот отель! Пригладив седые волосы перед зеркалом, она взяла трость и отправилась в ресторан. Там шумно и светло, и пахнет вкусно... Это был один из самых ее любимых моментов на отдыхе.

Ела мадам Пуарье неспешно, поглядывая на темную массу моря. Казалось, огромный черный зверь раскинулся за террасой ресторана и тихо дышал во сне, изредка причмокивая, как младенец...

Закончив свою трапезу одной из последних, старая женщина отправилась обратно в бунгало. Путь ее лежал мимо бассейна и бара, где уже играла музыка, зазывно кричали аниматоры в микрофоны. Люди пили и танцевали, смеялись. Хорошо-то как! Мадам Пуарье и сама бы посидела с ними, но перелет ее утомил... Старость обидна, даже оскорбительна, — она унижает человека, издевается над ним... Но ничего, ничего, Оливия Пуарье с ней еще поборется! Она не намерена сдаваться, она еще поживет! Завтра обязательно примет участие во всей программе отеля с этими чудесными, задорными молодыми людьми — аниматорами! Но сегодня разумнее пораньше лечь, отдохнуть.

Несмотря на слабое освещение, она прекрасно ориентировалась в переплетении крошечных дорожек, на которые выходили двери многочисленных белых бунгало. Все-таки семь лет сюда ездит, уже как у себя дома. Вот и знакомый поворот, за ним дворик с пальмами, кустами олеандра и гибискуса, по сторонам от него ответвляются дорожки... Ей показалось, что до ее слуха донеслись далекие и дружные аплодисменты. Мадам Пуарье приостановилась, прислушалась с легкой завистью... А, нет, это пальма плещет плотными кожистыми листьями на легком ветру.

Мадам Пуарье кивнула ей, как старой знакомой, и двинулась дальше. Сейчас направо, и вуа-

ля — ее бунгало! Мадам Пуарье заблаговременно вытащила карточку-ключ... И чуть не споткнулась обо что-то.

Опершись на трость, она наклонилась, не понимая, что это у нее под ногами... Свет тут неяркий, а зрение у нее не особо-то, в ее восемьдесят девя...

Разглядев, мадам Пуарье не устояла, осела на дорожку и закричала изо всех сил. Никогда в своей долгой жизни мадам Пуарье не видела ничего более страшного! На плитке из ракушечника, между упавшей тростью и ее левой ногой лежала... *рука!*

Женщина кричала, пока голос ее не сел и сама она не выбилась из сил, но никто ее не слышал. Со стороны бара неслась музыка, микрофоны усиливали голоса аниматоров — где уж тут услышать! — а мадам Пуарье все сидела на теплой дорожке, возле своей страшной находки, не в состоянии подняться и двинуться за помощью.

Когда, наконец, шум да гам у бара закончился и народ дружно направился в сторону амфитеатра на вечерний спектакль, одна молодая пара ее увидела, проходя мимо дворика. И бросилась к старой женщине, думая, что ей стало плохо и она упала.

— Нет, нет, мне не плохо, — проговорила мадам Пуарье. — Плохо вот ей... — и она указала дрожащим пальцем влево от себя.

Увидев на дорожке руку, молодые люди разразились восклицаниями, но мадам Пуарье настойчиво тыкала в кусты:

— Туда смотрите, туда, у этой руки есть хозяйка, вон она лежит, видите?

Прибежала администрация, приехали две машины полиции и карета «Скорой помощи». Женщину осторожно извлекли из кустов. Она оказалась жива (о, как этому обрадовалась добрая мадам Пуарье!), но без сознания: кто-то ее жестоко избил. Администрация в лице двух грузных мужчин мгновенно женщину опознала — не столько по заплывшему от побоев лицу, сколько по светлым длинным волосам, редким в этих местах: Ирина Липкина, русская, приехала два дня назад. Красивая женщина, и волосы роскошные... Непокрытые, конечно. Неудивительно, что с ней так обошлись. Скромнее женщине надо быть, тогда Аллах ее убережет.

Врачи уехали, увезя женщину в больницу, а полиция приступила к осмотру номера и расспросам. Отдыхающие уже прознали о происшествии и сбежались в холл ресепсьон, где мадам Пуарье, несмотря на усталость, выполняла свой гражданский долг и блистала в главной роли: именно она нашла тело! И так испереживалась, такого страху натерпелась, — в ее-то годы!

Все с сочувствием и любопытством смотрели на разруганную от такого внимания старушку, пара податых французов средних лет даже предложили ей выпить в баре у бассейна, полиция, однако, была крайне разочарована: никто не видел и не слышал, как напали на русскую. И что случилось, кто избил женщину до полусмерти да почему, вряд ли уже удастся узнать. Время ужина: все углы и закоулки пустеют, люди стекаются в ресторан — на курорте зверский аппетит нагуливается в два счета... Время ужина в отеле — время мертвое.

ГЛАВА 2

Понедельник. Москва

... Только бы коснуться тебя! Прижаться, провести пальцами по теплой коже. Попробовать ее губами, языком...

Мне ведь так мало нужно, Миша! Мало — большего все равно никогда не будет.

... Я пришла, Миша, чтобы сказать тебе...

Нет, зачем лишние слова? Он и так увидит, что я пришла. Надо начать прямо: «Миша, я люблю тебя. Я больше не могу это скрывать. Я хочу, чтобы ты знал: я люблю тебя!!!»

Он растеряется? Нет, вряд ли. Посмотрит на меня своими понимающими карими глазами и... Обнимет? Боже, сколько месяцев я вижу это во снах!

Или не обнимет... Скажет: женщинам часто кажется, что они влюблены в своих психологов, — такой вот феномен, Люба. Ты просто принимаешь привязанность и дружбу за любовь.

Он часто говорил об этом «феномене»: надеялся, что уберезет нас от чувств к нему... Но все девчонки в него влюблены, и плевать им на «феномен»!

Они *влюблены*. Но одна я, только я люблю его по-настоящему! Он должен это понять!

Я не дам ему произнести свою коронную фразу. Я его просто поцелую. Ему ничего не останется, как ответить на мой поцелуй... Он ведь меня не оттолкнет, нет? Он не сможет... Он добрый...

Он меня не оттолкнет, а я буду его целовать так, что он почувствует... почувствует, что я женщина, влюбленная женщина, готовая на все... Пусть он меня не любит — пусть лишь ответит на мой поцелуй! А потом, может, и...

Любе пришлось остановиться — у нее закружилась голова от тех сцен, которые теснились в ее воображении.

Миша, я ведь ничего не прошу взамен! Только позволь мне любить тебя, быть с тобой! Коснуться тебя, вдохнуть тебя...

Главное, помешать ему говорить. Иначе он скажет, что ему не дано любить — слышали, знаем! — и что он не имеет права пользоваться моими чувствами...

Если бы только можно было заклеить ему рот пластырем! Люба усмехнулась: тогда я не смогу его целовать.

Надо было раздобыть пистолет. И поцеловать его под дулом пистолета. Вот тогда бы он молчал!

Она горько улыбнулась своим мыслям. Все, что ей остается в этой жизни, — это вымогать любовь под дулом пистолета...

Она уже видела его дом. Еще несколько шагов, и показалось его окно. Открыто настежь — день сегодня солнечный, теплый, летний. Хотя к ночи станет холодно, все-таки календарь успел откусить первый кусок от сентября... Вон Мишин подъезд. Какая-то красивая блондинка вышла — не от Миши ли? Он не умеет любить, ладно, но секс... Нужен ведь ему секс? Есть ли у него партнерша? Это она вышла из подъезда?

Люба замерла. Почему-то раньше ей такая мысль не приходила в голову. Она точно знала: у Миши нет любимой женщины, — не только потому, что он сам так говорил, но и женским чутьем своим, обостренным и ревнивым, она это ощущала. Даже когда он ей рассказал об интересном знакомстве с одной известной журналисткой, она чувствовала: интерес Миши чисто интеллектуальный. А вот про секс почему-то никогда не думала... А вдруг... А если...

Зря она пришла. Не надо ничего Мише говорить. Ему не нужна Люба-Любовь. Ему не нужна любовь, а сексуальные потребности он удовлетворяет с какой-то другой женщиной. С блондинкой, к примеру, что вышла из его подъезда.

Миша, Мишенька... Саднит у меня душа, к тебе рвется... Но не нужна я тебе.

Больно-то как, Миша.

Слезы навернулись на глаза, затуманили мир. Люба бросила прощальный взгляд на окно Миши и уже было повернулась, чтобы уйти. Но тут же резко развернулась обратно, слезы ее мгновенно высохли, глаза широко раскрылись: там, из Мишиного окна, летит... падает что-то вдоль стены... Человек!!! Миша?!

Она кинулась к дому. Подбегая, услышала глухой стук тела о землю. Раздвинув кусты, она ринулась под их плотный свод. Черная водолазка... Темные прямые волосы... Мужчина лежал лицом вниз, прижав собой несколько веток, ноги повернуты, из заднего кармана джинсов высовывается знакомый смартфон...

Миша.

Миша???

Опустившись на колени, Люба потянула мужчину за плечо на себя...

Лучше бы она этого не делала.

В разможенном лице невозможно было узнать никого, но она не сомневалась: это Миша. Это ее

разбитая любовь. В самом прямом и страшном смысле этих слов.

Она отпустила плечо, и тело приняло прежнее положение.

Значит, он все-таки это сделал. Он не хотел жить. А она, идиотка, шла к нему, несла ему свою любовь. Разве нужна любовь человеку, которому не нужна жизнь?

Люба взяла его правую руку — левая оказалась под телом — и прижалась к ней губами. Ей сейчас хотелось окаменеть, превратиться в статую и сидеть так вечно, целуя его руку...

Кто-то резко выбежал из подъезда, хлопнув дверью, кто-то закричал: «Я видела, человек выпал из окна!» Послышался топот: к месту падения бежали люди.

Люба бережно опустила кисть Миши... И вдруг из его пальцев выскользнуло что-то серебристое, цепочка змейкой чиркнула по ее ладони и зацепилась за мизинец, — казалось, Миша вручил ей свой подарок, прощальный подарок! Она схватила маленький предмет, еще теплый, и быстро вынырнула из кустов с противоположной от подъезда стороны. Ей не хотелось присутствовать при оргии праздного соседского любопытства.

Ушла она никем не замеченной, унося в сердце горе, а в кулачке — маленькую серебристую вещицу, хранившую Мишино прикосновение.

ГЛАВА 3

Пятница. Москва

Веер остроконечных лучей врезался в щель между тучами, и сразу ярко вспыхнула желтизна в длинных прядях берез — так сверкают седые нити в смоляных волосах цыганки. Березы полны спокойствия и величия, несмотря на то что пришло время умирать. Они похожи на девственниц, которых древнее племя приносит в жертву своему богу. Этот бог жесток. Он оголит их стройные белые тела, будет хлестать дождем, бить их морозом и вьюгой. Но березы знают: это их высокая миссия. Жертва не напрасна: их вознаградят новым рождением. Так бывает каждый год.

Мы, люди, тоже знаем, что сентябрь на дворе. Но живем так, будто осень начнется еще не скоро, а зима вообще не придет. Мы еще пытаемся загорать на слабеющем осеннем солнце, мы еще не убрали на дальние полки летние одежки. Мы не готовимся к предстоящему — мы ловим уходящее. И потому зима станет для нас в очередной раз неожиданностью — вот уж в самом деле как снег на голову. И будем мерзнуть, поскользываться, проклинать зиму и звать весну. И с изумлением взирать на белые тела берез, схваченных ледяным холодом, удивляясь их смирению и величию...

Александра посматривала в окно, на небольшой сквер, раскинувшийся между домами, и набрасывала текст для очередной статьи. Сроки уже поджимали, но она никак не могла ее закончить. Материала она собрала предостаточно, да и тема не новая: причины самоубийств. Она прочитала множество умных рассуждений социологов, психологов, но имелся в этой проблеме один странный аспект, формулировка которого ей никак не давалась. Да и как объяснить склонность человеческого сознания верить в чудеса и игнорировать реальность?

Вот так, бросаясь с крыши, подростки не верят, что умрут. Они жаждут отомстить слишком суровым родителям или предмету своей первой неразделенной любви, видя себя (после смерти) в центре внимания тех, кому предназначен их жест. Но все это представляется подросткам, будто в кино, — словно они еще будут живы и сумеют насладиться чувством вины и сожаления своих обидчиков... Александра с болью думала о том, как мгновенно взрослеют эти дети в последние секунды своей жизни, в те секунды, когда уже поздно, когда ничего не исправить, когда приближается убийственный асфальт или затягивается смертельная петля, — и они вдруг отчетливо понимают: все по-настоящему...

И даже взрослые люди, взбираясь на табуретку, накидывая на шею петлю, не понимают, что

жест их *необратим*. Сколько исповедей спасенных самоубийц Александра прочитала, и во всех (за редким исключением) одно и то же: человек хотел прокричать своим жестом, что ему плохо... и делал себе еще хуже. И сколько душераздирающих криков «спасите, доктор, спасите меня!» слышала она в больнице, куда привозили самоубийц, еще живых... Иные умирали у нее на глазах — с каждым уходящим вздохом моля врачей о помощи, которую уже никто не мог им оказать. А Александре хотелось кричать: о чем ты думал (думала) раньше? Что, травясь серной кислотой, выживешь? Просто накажешь близких за невнимание? А они поймут, расскаются, и вы будете жить долго и счастливо? Увы, ты — нет. Потому что тебя уже нет...

Парадокс: у нас множество знаний, но они не удерживаются в мозгу. Знание — это начало мысли, а мысли утомляют. Поэтому мы всё знаем, — но живем так, будто не знаем. И все время удивляемся. «О, как ты вырос!» — мы потрясены, хотя нам отлично известно, что дети растут, еще с тех пор, как росли мы сами и взрослые донимали нас подобными нудными восклицаниями. «Ой, как он постарел!» — поражаемся мы, увидев знакомого актера на экране. А ты сам — нет, что ли? Ты постарел, все постарели. Но куда там — удивляемся. Снегу зимой и жаре летом. Ангине после мороженого и похмелью после попойки.

Всему. Потому что знание не работает, мысль не работает. Зато верим гадалкам. В кофейную гущу и в черную кошку. Опустевшее место для знаний зарастает в мозгу бурьяном суеверий.

Что это за феномен такой? Как его описать, объяснить? Нужны простые слова, но они никак не давались Александре. И она смотрела в окно на березы, будто прося у них помощи. Хорошо хоть утро сегодня выдалось спокойное, и ничто не мешает ей работать...

Алексей Кисанов, частный детектив, тоже радовался, что утро выдалось спокойным. Жена работала над новой статьей, малыши — их двойняшки, Лиза и Кирюша — гуляли с няней, а сам он долго обсуждал со своим старшим сыном (внебрачным, точнее добрачным) Романом по скайпу идею, которая обоим пришла в голову почти одновременно. Дело в том, что, страстный любитель джаза, Алексей пригласил к нему и сына, и вот пару дней назад каждого из них спонтанно осенила мысль: было бы еще лучше «медитировать» под джаз, когда играешь сам... Ну, к примеру, на саксофоне.

— Вот, па, я нашел объявления. Есть частный учитель, который обещает быстрое обучение... не знаю, верить ему или это так, для заманки? Есть курсы для детей и начинающих взрослых при музыкальных школах. В общем, предложений уйма. Но я вот о чем подумал: было бы классно ходить на уроки вместе...

Роман сделал паузу, ожидая ответа. Они, отец и сын, не так давно узнали о существовании друг друга, и знакомство их началось, мягко говоря, не лучшим образом. Все утряслось, к счастью, и взаимное прощение поставило точку в той трудной истории¹. Но отношения их были все еще новыми и свежими, и каждый вел себя с осторожностью и бережностью, боясь что-нибудь невзначай испортить... Так обращаются с дорогим и хрупким подарком.

— Конечно, — согласился Алексей. — Нужно выбрать курсы в таком месте, куда от тебя и от меня удобно добираться.

— Вот, — в голосе молодого человека слышалось удовлетворение, — я об этом тоже подумал и нашел четыре таких точки...

Роман принялся диктовать адреса, но детективу дослушать его не удалось: жена отвлекла.

— Алеша, — отвела она мобильник от уха, — у меня на связи девушка, которая знает, что мой муж — частный детектив, и умоляет тебя взяться за расследование одного путаного дела... Возьмешься?

— Не услышав сути? — удивился Алексей.

— Я тебя прошу. Пожалуйста, скажи «да». Я потом все объясню.

И детектив сказал «да».

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».